

«Июнь» Быкова встретился с алчущими читателями еще в начале осени, и, листая его сейчас, в преддверии зимы, невольно отмахиваешься от двух навязчивых мыслей. Первая – как забавно Дмитрий Львович предугадал голливудскую истерию по поводу «харассмента» – действительно не заслуживает внимания, а вот вторую придется озвучить всерьез, потому что иначе получится нечестно.

Дело в том, что из-за опоздания в сезон волей-неволей вступаешь в дискуссию не только с текстом, но и с облаком мнений, которое успело вокруг текста образоваться – а облако благодаря вопиющей медийности автора образовалось большое и – тут уж на медийность не спишешь – пугающе однородное.

«Июнь» как-то почти без сопротивления обозвали лучшим текстом Быкова, заклеили убаюкивающими эпитетами вроде «изящный» и «точный», а сверху забросали уверенными сентенциями наподобие «рука мастера» и «лучшее, что было написано по-русски за последние пару лет». О градусе восторга можно спорить, но не признать очевидное могут, пожалуй, лишь те, кому автор лично плюнул в утренний кофе: «Июнь» удался, и называть его плохой книгой – это, в общем-то, свинство. Но, странное дело, хорошей книгой его тоже не назовешь – вроде бы и никакого свинства, а все равно как-то неловко. Так что на вопрос: «Ну как роман?» – остается лишь пожимать плечами да обстоятельно рассказывать, избегая оценки.

Тут бы сразу к делу, но цеховая дисциплина предписывает сначала оговорить кое-какие организационные моменты. «Июнь» – в меру пухленький трехчастный роман о пятистах с хвостиком страницах. Каждая из трех частей повествует о своем собственном герое, каждая – в три раза меньше предыдущей, и если первая история занимает три сотни страниц, то последняя уместается на пятидесяти. Истории почти никак между собой не связаны – формально в роман их сшивают лишь время и место действия (предвоенные советские годы, вплоть до того самого июня сорок первого) и необязатель-

ный сквозной персонаж (предвечно светлый шофер Лёня, которого в тексте прямыми словами записывают в ангелы).

Больше половины книги посвящено мытарствам юного поэта Миши Гвирцмана. Двадцатилетнего Мишу выгоняют из института за несостоявшееся домогательство, и он отправляется искупать партийные грехи в больницу. Работа санитаром, впрочем, не то чтобы облагораживает – герой все глубже погружается то ли в жизнь, то ли на дно, попутно распутывая клубок своих любовей: ни ангелочка Лию, ни потаскуху Валю, из-за которой его, собственно, отчислили, Миша терять не хочет. Меж двух огней оказывается и герой второй части, журналист и по совместительству сотрудник органов Борис Гордон: он, поскольку мужчина солидный, мечется от пожухшей супруги Муретты к свеженькой и трепетной любовнице Але. Аля, ко всему прочему, только вернулась из эмиграции, и ничем хорошим это закончиться не может – Ариадна Эфрон не даст соврать. Наконец, венчает этот триптих короткий и путаный фрагмент об Игнатии Крастышевском – сумасшедшем (*возможно сумасшедшем* – справьтесь у Сигизмунда Кржижановского) литераторе, который слишком уж уверовал в силу слова. Крастышевский отправляет Сталину доклады об успехах советского искусства за рубежом, да не простые, а зашифрованные – с помощью тщательно выверенного кода он пытается зачаровать вершителя судеб и повлиять на вопросы мира, а затем и войны. Ничем хорошим, как мы знаем, это тоже не кончилось – ведь в вопросах мира и войны даже исступленное шаманство на рассветной крыше бессильно.

Не грех повторить, что «Июнь» удался – это очень ладный, атмосферный, местами терпкий и неожиданно увлекательный для такого свинцового материала роман. Удушливое предвоенное время Быков словно преобразует во что-то газообразное и загоняет читателю в легкие: дышать становится тяжело, но дым отечества – пусть это совсем не дым очага – нам все так же сладок и приятен. Не подлежит сомнению и цельность романа – связанные как будто формальными ниточками, все три истории через энное количество страниц обнаруживают единство куда более прочное – ведь в общем для всех утреннем воздухе рано или поздно что-то замигает, хотя никто и не поймет, что. Каждый из трех героев так или иначе имеет отношение к литературе,

каждый в том или ином смысле «лишний человек», каждый живет даже не в ожидании войны, а словно бы ей самой, пусть пока неслучившейся. Война здесь щедро разлита в каждой строчке, война каждого, кто появляется в этих строчках, делает лишним, и тут бы похвалить автора еще за что-нибудь – например, за удачные постельные сцены в условиях острой нехватки собственно постелей, – но отчего-то не хочется.

«Эти постоянные упоминания о войне начинали уже утомлять», – бросает один из быковских героев, и то же самое неодолимо хочется вменить самому Быкову. Проблема здесь не столько в частоте упоминания – что поделаться, если война на самом деле торчит из каждой щели, – но в интонации, в плутоватом прищуре, с которым автор в эти щели заглядывает. «Война-война-война-война, война-война-война-война», – горячо шепчет Быков в читательское ухо на манер Крастышевского, чтобы читатель уж точно понял, что война. Та же избыточная забота здесь во всем: автор в скобочках или через запятую подсвечивает важные моменты, пунктиром обнимает ключевые слова и почти всегда готов объяснить – сам или устами персонажей – то, что можно было бы и не объяснять. Быков снисходит, и об эту снисходительность разбиваются все попытки воспринимать «Июнь» как большую, простите, литературу, а не как новую лекцию из авторского цикла. В этот момент совершенно понимаешь, что главная проблема романа, простите еще раз, – в нем слишком много Быкова. Меньше, чем в его предыдущих книгах, но все еще непростительно много. И вроде бы недвусмысленные удачи – «бухгалтеры имеют иногда поразительно глубокие чувства», «вина – ключевое понятие модерна» – попадают, есть даже «небо цвета мертвой опрятности». И Мишке Гвирцману по-человечески, в тот самый момент хочется «подойти к окну, лбом прижаться к стеклу», и Валя замечает в квартире для понятно каких свиданий фотографию пухлого ребенка, который «как бы воплощал нежелательное последствие» – но все это напрочь стирается, когда Быков отбрасывает кисть и берет в руки привычный мегафон.

«Но польза ведь не принуждает к любви, любовь как раз избирает себе предмет, далекий от всякой пользы», – доверительно сообщает нам автор. Только мелькнет немного жизни,

как Быков опошлит ее литературной аналогией, помянет какого-нибудь Базарова и мимоходом отсыплет еще немного откровений – романы, в общем, пишутся урывками, а что касается смерти – так «достоинство не в том, чтобы гордиться и бодряться, а в том, чтобы сделать все абсолютно естественно». На макроуровне, к сожалению, все то же: война смывает наши грехи и спишет наши долги (на самом деле нет), сталинские времена не то чтобы преданья старины глубокой, хорошим человеком в России быть нельзя, потому что.

В таких историософских погодных условиях «Июнь» превращается из литературы в производную от литературы – всему, что есть в романе настоящего, уготована участь истоптанной трибуны, с которой льется слабо задрапированная патетика. Вряд ли ради этого стоило писать роман – особенно такой, который, вот же чудо, действительно удался.

ПЕРВЫЙ «ОТДЕЛ» АЛЕКСЕЯ САЛЬНИКОВА

Некоторое время назад Игоря со скандалом поперли из органов – но не за пушистое рыльце, а наоборот, из-за обостренного чувства справедливости. Игорь – как станет известно чуть позднее, натура астеническая – увольнение и сопутствующие ему обстоятельства переживал тяжело, долго надоедал жене грустной безработной миной, а теперь стоит перед обшарпанной котельной где-то на окраине города. Котельная выглядит недееспособной, но внешность, разумеется, обманчива – внутри укрылся отдел все тех же органов, куда пристраивают провинившихся в прошлом сотрудников и набедокуривших генеральских сынков. Правда, чем именно занимается отдел, Игорю почему-то никто не говорит: начальство отказывается по идейным соображениям, а свежеспеченные напарники, кажется, и сами в большинстве своем не знают. Ничего хорошего такие условия труда обещать не могут, а тут еще и в семье бесконечный круговорот ругани и обид – в общем, хоть вешайся. От прошлого владельца в кабинете Игоря как раз осталась веревка на дверной ручке...

«Отдел» – не самый новый роман поэта (именно так до недавнего времени было принято определять цеховую

принадлежность автора, хотя теперь, конечно, нужно переучиваться) Алексея Сальникова, впервые вышедший года три назад в журнале «Волга», и особого внимания он к себе в ту пору не привлек. Через несколько лет в той же «Волге» напечатали «Петровых в grippe и вокруг него», ну а дальше вы сами знаете – премиальные листы различной длины, восторги критиков и неумолчная читательская осанна до самых небес. Восхищенные придыхания стали настолько общим местом, что рекомендовать «Петровых» к прочтению уже как-то неловко, но это был действительно нерядовой роман, и познакомиться с ним стоит каждому, кто хоть немного интересуется современной отечественной литературой.

На фоне этого с «Отделом» приключилась одна неприятная, но, в общем-то, ожидаемая история – он заметно скучнее и во всех смыслах обыденнее «Петровых». То есть перед нами не тот случай, когда бриллиант проглядели – «Отдел» поселился под толстой картонной обложкой исключительно потому, что спрос дюже велик и хорошо бы утолить его предложением страниц на четыреста. Если вы вдруг прочитали это предложение с обвинительной интонацией, перечитайте лучше с констатирующей – сам-то роман очень неплохой, такими не то чтобы все полки завалены, так что никакого коварства в подобной издательской расторопности нет. Вопрос лишь в том, готовы ли вы тратить время на «просто неплохой роман» – даже если он действительно очень неплохой, а заботливый автор, по слухам, аж переписал для вас журнальную концовку.

Все, что роднит «Отдел» с «Петровыми» – так это язык, отдающийся в голове читателя глуховатым эхом знакомой изобретательности. Сальников все так же умудряется – вернее сказать «уже тогда умудрялся» – вворачивать что-то неожиданное там, где его по всем признакам ждать не приходится, но делает это куда реже. Винить стоит не только болтливых персонажей – здесь, по ощущениям, на порядок больше диалогов – но и общий концепт: свежееотпечатанный роман куда более прямолинейный и бесхитростный. Там, где в «Петровых» на наших глазах варилась сладкая манная каша из гриппозного сна и чахоточной яви, «Отдел» уверенной рукой документирует кафкианский реализм российской действительности – а из таких материй, как известно, каши не сварить, тут важнее сюжет и четкая артикуляция.

С сюжетом здесь, в общем-то, все хорошо: он степенно разворачивается, со знанием дела повышает градус абсурда и без каких-то демонстративных виражей удерживает читательское внимание – выехали на первое задание, на следующий день забрали сына из садика, а вот и ссоры с женой и новые подробности таинственной работы подоспели. Кроме того, сюжет здесь (за неимением более подходящих слов) актуальный и жестокий какой-то бессильной жестокостью – такое привычнее видеть в криминальной хронике, чем на страницах современной русской прозы: что-то вроде «хрупкая девушка нанесла обидчику десять ножевых ранений, мужчина скончался на месте, не переключайтесь». В иносказательной сумме все это вполне тянет на увесистое высказывание об отношениях человека и государства, но эта увесистость, пожалуй, как раз и является главной проблемой романа.

К чему клонит Сальников, становится понятно довольно рано, и хотя мысль эта, несомненно, благородная, иллюстрирующей ее сложносочиненной метафоры на весь роман как-то не хватает – более того, оголившаяся метафора словно размалывает романную фактуру в труху, лишает ее всякой самодостаточной ценности. Не помогают ни хорошо прописанный бытовой фон, ни забористое авторское остроумие, ни остальные удачи, которых здесь более чем достаточно. Даже редкий талант по примирению абсурдной романной реальности с абсурдной жизнью за окном так, чтобы ни одну из них не дискредитировать – и тот пасует перед заданностью авторского высказывания. Слишком ощутимо Сальников конструирует это самое высказывание, слишком уж хочет достучаться до читателя – мало кого подобные желания доводили до добра, и никаких исключений сегодня не предвидится. Сам того, возможно, не осознавая, автор сужает художественное пространство своей книги до врачебной воронки, которую, как заправский отоларинголог, вставляет в ухо читателю и принимается делиться своими открытиями. Да, жить иногда бывает зябко и страшно, да, здравый смысл давно уже потерян и до сих пор не найден, но зачем же так громко, господи, уберите руки и отойдите, пожалуйста, хоть на пару шагов.